

Научная статья

УДК 340.1

doi:10.35750/2071-8284-2022-3-18-25

Ирина Борисовна Ломакина

доктор юридических наук, профессор

доктор исторических наук, профессор

<https://orcid.org/0000-0002-9232-949X>, lomakina7311@gmail.com

Санкт-Петербургский юридический институт (филиал)

Университета прокуратуры Российской Федерации

Российская Федерация, 191104, г. Санкт-Петербург, Литейный проспект, д. 44

Проблема понимания правовой идентичности в контексте пост-постмодерна

Аннотация: В данной статье автор ставит проблему понимания правовой идентичности в контексте пост-постмодерна, не сводимого только к современной эпистемологической традиции. Автор показывает, что новая реальность формирует социальные практики, в которых человек утрачивает свою биологическую ограниченность и обретает качества, превращающие его в «постчеловека». Расширение возможностей и включение технологий в природу человека требует осмысления его идентичности, в том числе в сфере права. В статье отмечается, что современные технологии хай-тек и хай-гумо вызвали оживлённую дискуссию между теми, кто стоит за расширение морфологических прав (биохакаеры, трансгуманисты, сторонники философии экстрапианства, постгуманисты и пр.), и теми, кто настороженно относится к прорывным технологиям будущего, видя в них угрозу всему человечеству. Поэтому понимание правовой идентичности современного человека требует вдумчивого, осмысленного и выверенного, в том числе и с точки зрения традиционных ценностей и морали подхода. Для этого научному сообществу предлагается повнимательнее присмотреться к антрополого-правовому подходу как новой исследовательской программе, способной выступить альтернативой западным пост-постмодернистским подходам с сомнительными социальными практиками. Как обосновывается в статье, использование антрополого-правового подхода как разновидности умеренного пост-постмодернистского типа научной рациональности, акцентирующего внимание на контекстуальности правовых феноменов, выглядит более адекватной стратегией, нежели слепое подражание западным дискурсивным практикам. Доказывается, что правовая идентичность человека в рамках обозначенной позиции содержит в себе диалектическое сочетание тождества и различия, которое не противопоставляет себя другому, обеспечивая приемлемые механизмы адаптации к той системе, в которой человек реально живёт, в которой реализует свои социальные статусы в том числе в сфере права. В статье актуализируется идея о том, что правовая идентичность – это конструкт, который формируется человеком на всех этапах его становления как существа, в потенции притягивающего на универсальное пересотворение себя и мира в целом.

Ключевые слова: правовая идентичность, права человека, право, правовой статус, пост-постмодерн, антрополого-правовой подход

Для цитирования: Ломакина И. Б. Проблема понимания правовой идентичности в контексте пост-постмодерна // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2022. – № 3 (95). – С. 18–25; doi: 10.35750/2071-8284-2022-3-18-25.

Irina B. Lomakina

Dr. Sci. (Jurid.), Professor

Dr. Sci. (Historical.) Professor

<https://orcid.org/0000-0002-9232-949X>, lomakina7311@gmail.com

*St. Petersburg Law Institute (branch)
of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation
44, Liteyny prospekt, Saint Petersburg, 191104, Russian Federation*

The problem of understanding legal identity in the context of post-postmodern

Abstract: In this article, the author poses the problem of understanding legal identity in the context of post-postmodernity, which is not reducible only to the modern epistemological tradition. The author shows that the new reality forms social practices in which a person loses his biological limitations and acquires qualities that turn him into a «post-human». Empowerment and the inclusion of technology in human nature requires understanding of its identity, including in the field of law. The article notes that modern high-tech and high-humo technologies have caused a lively discussion between those who stand for the expansion of morphological rights (biohackers, transhumanists, supporters of the philosophy of extrapianism, posthumanists, etc.), and those who are wary of breakthrough technologies future, seeing them as a threat to all mankind. Therefore, understanding the legal identity of a modern person requires a thoughtful, meaningful and verified approach, including from the point of view of traditional values and morality. To this end, the scientific community is invited to take a closer look at the anthropological-legal approach as a new research program that can act as an alternative to Western post-postmodern approaches with dubious social practices. As substantiated in the article, the use of the anthropological-legal approach as a kind of moderate post-postmodern type of scientific rationality, which focuses on the contextuality of legal phenomena, looks like a more adequate strategy than blind imitation of Western discursive practices. It is proved that the legal identity of a person within the framework of the designated position contains a dialectical combination of identity and difference, which does not oppose itself to another, providing acceptable mechanisms for adaptation to the system in which a person really lives, in which he realizes his social statuses, including in the sphere of rights. The article actualizes the idea that legal identity is a construct that is formed by a person at all stages of his formation as a being, potentially claiming a universal re-creation of himself and the world as a whole.

Keywords: legal identity, human rights, law, legal status, post-postmodern, anthropological and legal approach

For citation: Lomakina I. B. The Problem of Understanding Legal Identity in the context of post-postmodern // Vestnik of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2022. – № 3 (95). – P. 18–25; doi: 10.35750/2071-8284-2022-3-18-25.

Проблема понимания правовой идентичности не так уж проста, как кажется на первый взгляд. Сократовские «Познай себя!» и «Я знаю, что ничего не знаю!» поставили перед европейским дискурсом проблему, которую до сих пор решить не удаётся. Если согласиться с мыслью Спинозы, что «всё сущее, что есть на земле, хочет быть самим собой» [2, с. 63], то мы должны признать, что это только часть правды, сформулированная великим философом. Вторая часть правды заключается в том, что человек с самого начала своего существования притязал на большее, а именно, он стремился сконструировать свой собственный мир, став тем самым универсальным творцом. Поэтому, как отмечалось в ранее опубликованной нами статье, «человек, будучи, изначально существом универсальным лишь в потенции, притязает на действительную универсальность. Однако в актуальном времени и пространстве человек конструирует и моделирует в процессе эволюции себя и мир

в соответствии со своими ограниченными возможностями, но на эту ограниченную деятельность он накладывает лекала универсализма, примиряя, тем самым, жалкую реальность со своей внутренне универсальной природой» [5, с. 81]. Попытки достичь универсальности первоначально имели символическую форму, поэтому мифология давала большой простор для идентификации себя сначала с тотемом, а позже и с богами. По мере развития новых технологий и включения этих технологий в себя человек постепенно выходит за рамки своих ограниченных возможностей, таким образом пересотворяя предназначенный мир.

В этой связи интересным выглядит факт, что человеческая психика обожествляет человеческое или, по крайней мере, можно говорить о непреодолимом желании человека стать универсальным и бессмертным по образу и подобию Божьему. Поэтому везде, где бы ни находился человек на земле, в небе или на море, он

практически всегда усматривает присутствие Бога (Бог рассматривается в широком смысле как Универсум).

Другой интересный факт заключается в том, что человек постоянно мыслит образами, в которых всегда есть место другому. Этот «другой» может быть кем угодно, включая представителей фауны и флоры, «другой» может быть даже из мира неживой природы, например, высокотехнологичный робот или Алиса в гаджете. Очеловечивание «другого» даёт большой простор для разного рода диалогических практик, в которых, по-видимому, кроются исторические корни анимизма. Сегодня существует новый вид идолопоклонства обозначаемый как «техноанимизм». Примечательно, что феномен «техноанимизма» проявляется даже в культурах, в которых анимизм исторически не существовал, например, в США (индейское аборигенное население в расчёт не берётся, речь идёт только о протестантской «белой» культуре переселенцев из Европы).

Идентифицируя себя с кем-либо, человек символически вступает в диалогическую связь, в которой как в зеркале отражается его самость. Семантическое значение слова «идентичность» означает психологическую, эмоциональную, социальную, правовую связь человека с социально-значимым «другим» («другими») и рефлексии по поводу отождествления и различения себя с ним (с ними).

Итак, рассмотрим проблему понимания правовой идентичности человека в контексте существования пост-постмодерна, о котором пишут сегодня западные философы, социологи, юристы. Дабы нивелировать неопределённость в своих размышлениях по поводу термина «пост-постмодерн», перейдём к эмпирическим фактам. В связи с этим хотелось бы привести несколько примеров, связанных с новыми технологиями, которые расширяют горизонт человеческой идентичности. Возьмём сферу воспроизводства человеком самого себя. Эта сфера на протяжении всего развития человеческого общества сильнее всего реагировала на изменения в культурном пространстве социума. Посмотрим, что происходит сегодня. Революционные преобразования в науке (фармацевтике, генной инженерии и других сферах научного знания) дали возможность, хотя пока в ограниченном варианте, использовать альтернативные природе механизмы воспроизводства человеком самого себя. И эти явления уже не из мира фантастики. Феминистки, фертильные пары и не только возлагают большие надежды на эти технологии, поскольку это даёт возможность одним избежать контакта с теми, с кем они себя не идентифицируют, другим – дополнительные возможности, которые им не дала природа. Уже сегодня существуют технологии в сфере генной инженерии, позволяющие переформатировать человеческий геном, получая на выходе генномодифицированных эмбрионов с уже заранее заданными параметрами (цвет глаз, пол). Данные технологии допускают возможность отсече-

ния гена, отвечающего за передачу наследственных болезней, включая психические патологии, например, эпилепсию, шизофрению и пр.).

Подобные исследования позволяют создавать «дизайнерских детей» (устоявшийся термин в западной науке). В ряде развитых стран производство «дизайнерских детей» под запретом со стороны этических комитетов и ряда общественных организаций, стоящих на страже традиционной системы ценностей, да и законодательство не стремится легализовать подобные ноу-хау, особенно в странах с сильным католическим влиянием. Хотя исследования в этой области, несмотря на неодобрение и даже прямые запреты, несомненно, ведутся «за закрытыми дверями» и в Европе, и в США. Как утверждает Ф. Феррандо, Китай является абсолютным лидером в этом вопросе [12, с. 115], поэтому у Китая по сравнению с другими странами больше возможностей совершить технологический «матч-реванш».

Изменения в сфере половой коммуникации, по свидетельству американских специалистов, привели к более чем 86 вариантам различных сочетаний взрослых семейных пар [11, с. 352]. Наш мир изобилует «причудливыми формами» брачных отношений, которых становится всё больше. Современный брачный союз – это уже не священный союз, в котором мужчина и женщина принимают на себя соответствующие обязательства и где главной идеей выступает забота о потомстве и продолжении рода. Современная семья причудливо сочетает в себе разные социальные статусы. Например, дядя, любовник мамы и даже подруга мамы могут выполнять функции отца. Бракоразводные процессы, отказ иметь детей (чайлдфри), а также нежелание вступать в брак создают особый порядок, плохо вписывающийся в традиционную картину мира и характерный для неё правопорядок в целом [7, с. 71]. А это, в свою очередь, изменяет идентичность человека, в том числе и в сфере права.

Современная гуманитаристика расходится в оценках. Одни исследователи полагают, что современный половой универсализм освобождает человека от вынужденных связей (в том числе, семейных уз, а, вернее, от уз нуклеарной семьи и сопутствующих ей брачных обязанностей). Современный человек может отказаться от брака так же легко, как и вступить в него. Универсализация человека, в том числе и в этой приватной сфере, рассматривается некоторыми исследователями через призму расширения прав человека и гуманизацию отношений, которая, по их мнению, с западной экспансией не связана. Так, например, Р. Инглхарт, К. Вельцель полагают, что «...утверждение ценностей самовыражения превращает модернизацию в процесс человеческого развития, ведёт к формированию гуманистического общества нового типа.... Этот процесс отражает гуманистическую тенденцию модернизации» [3, с. 77]. Расширенный спектр прав человека сегодня формирует иной тип правовой коммуникации [8, с. 487], предпо-

лагающий другой этос и другой набор ожиданий, а также и других ценностей, в том числе институционализированных в правопрядке пока только в ряде стран Западной Европы, таких как Нидерланды, отчасти США и Германия.

Другая проблема, которая тоже уже не из мира фантастики и которая требует осмысления на предмет проблемы понимания человеческой идентичности – это возможность чипирования человека. Кем будет человек в таком новом качестве, какой статус он будет иметь, в том числе в сфере права? Будет ли такой человек рационально мыслящим индивидом, ответственным за свои поступки? Ведь новое качество человека (новая его природа) делает его киборгом или зомби. Можно усомниться в том, что такой человек будет в своих поступках руководствоваться совестью и моралью. Не станет ли такой человек или сверхчеловек (Ницше), постчеловек (пост-постмодернизм) игрушкой, марионеткой в руках злодея или доброго гения, который захочет преобразовать мир и сделать этот мир царством всеобщей любви, в котором каждому будет предписана строго определённая роль как, например, в «Государстве» Платона? Можно вспомнить более свежий пример: «Третий рейх» с чистокровными ариями и остальными париями, должными находиться в услужении у новых брахманов преобразованного мира.

Переводя внимание с чисто практических вопросов об изменении, а отчасти и о снятии человеческого биологизма, в плоскость чисто научных рассуждений, отметим, что современный гуманитарный дискурс оказался небезучастным, о чём уже говорилось выше. Поэтому рассмотрим европейскую научную пост-постмодернистскую традицию, актуализирующую проблемы идентичности человека в контексте расширения морфологических прав. Как нам представляется, именно трансгуманизм как пост-постмодернистский подход преуспел больше других в данном вопросе, а именно, в расширении возможностей постчеловека моделировать себя по собственному усмотрению, добываясь таким образом выхода в «царство абсолютной свободы». Так, например, известный английский философ и футуролог Макс Мор, поддерживающий философию трансгуманизма и трансгуманистическую философию экстропианства, пишет, что морфологическая свобода человека – это «возможность менять по собственному желанию форму тела, используя такие технологии, как хирургия, генная инженерия, нанотехнология, загрузка сознания в компьютеры» [12, с. 73]. Вообще стоит отметить, что понятие морфологической свободы получило широкое распространение в сообществе биохакеров.

Именно биохаkers перед научным сообществом, политическим истеблишментом и широким кругом общественности ставят вопросы о расширении прав человека на изменение самого себя, включая самостоятельное определение гендерной принадлежности. Данный пост-постмодернистский подход не может быть признан безупречным ни с точки зрения тради-

ционной системы ценностей, ни с точки зрения здравого смысла, поскольку возникает основной вопрос: не ведёт ли расширение морфологической свободы человека к нанесению ущерба самому себе и другим и не подрывает ли такая свобода само существование человека или даже постчеловека как морально ответственного существа?

Поэтому новые технологии рожают парадоксы. Так, если, электронные кардиостимуляторы, высокотехнологичные протезы и пластическая хирургия стали обычными практиками модификации тела, а имплантация радиочастотных идентификаторов, чипов активирующих центры мозговой активности с целью повышения когнитивных способностей, – уже данность, то как воспринимать новость о том, что робот-гуманоид София (разработанный гонконгской компанией Hanson Robotics в 2015 г.) на саммите «Инвестиционная инициатива будущего», проходившем 25 октября 2017 г. в Эр-Рияде, получил правовой статус подданной Саудовской Аравии?

Парадоксальность ситуации заключается в том, что признание робота подданным в этой ортодоксальной исламской стране, где треть населения не имеет соответствующего правового статуса [4, с. 53], по крайней мере, выглядит вызывающе как с точки зрения всеобщего, т. е. исламской культуры в целом, так и с точки зрения единичного, т. е. отдельно взятого правоверного саудита, чьи установки на «кровь и почву» всегда были и остаются доминирующими.

Так, например, Конституцию Саудовской Аравии составляют общие принципы, в которых доминирующее значение отводится религии и статусу религиозного права в системе права Королевства. Под религиозным правом понимаются положения Священного Корана и Сунны Пророка, которые по сути имеют прямое действие. Правовой статус определяется нормами шариата (религиозных предписаний) и фикха (мусульманской юриспруденции). Правовой статус женщин по-прежнему отличается от правового статуса мужчины. Весьма показательным является пример с наделением правом управлять велосипедом женщин (в 2013 г.) при условии сохранения традиционной одежды (длинного традиционного арабского женского платья с рукавами чёрного цвета и хиджаба – головного убора, закрывающего голову), избегания людных мест и обязательного мужского сопровождения близкого родственника мужского пола, способного оказать ей помощь в случае падения.

Трудно представить подобное зрелище на густонаселённой улице Санкт-Петербурга. Данный пример далеко не хрестоматийный, но он как нельзя ярче высвечивает противоречия в саудовском обществе между технологиями ноу-хау в лице робота-гуманоида гонконгского производства и положением реальных женщин в этой по-своему уникальной стране, сочетающей патриархальный традиционализм и элементы трансгуманизма.

Ещё один пример, тоже по-своему парадоксальный, явила миру Япония. В этой традиционалистской стране впервые в мире (в 2010 г.) была проведена свадьба с участием робота-священника. Вряд ли в Японии – стране с достаточно сильными синтоистскими традициями не хватает священников, призванных скрепить священный союз перед Богом и людьми. Робот-священник – это не просто гуманоид, призванный облегчить жизнь в домашнем хозяйстве, и не просто поводырь лиц с ограниченными возможностями, это также не способ удовлетворения базовых потребностей человека, а ни много ни мало связующее звено между миром людей и миром трансцендентного, выходящего за пределы чувственного опыта, другими словами, мира богов.

Конечно, данный феномен можно увязать с традицией анимизма как составляющей части японского синтоизма, но всё же этот пример показывает культурные сдвиги в сторону трансгуманизма как новой парадигмы человеческого бытия. Хотя также не стоит сбрасывать со счетов то обстоятельство, что интеллектуальная традиция Японии ещё на заре постмодерна пыталась гуманизировать появление искусственного интеллекта и вывести его в сферу духа. Так, ещё в 1974 году инженер учёный-робототехник Масахиро Мори (президент Исследовательского института в Токио является популяризатором синкретических идей о смешении религиозных догматов с научными идеями)¹ в своей книге «Будда в роботе» изобразил роботов в качестве духовных существ, способных достичь просветления: «С точки зрения Будды, между людьми и машинами не может быть отношения раба и господина. Человек достигает достоинства не тогда, когда подчиняет себе свои механические изобретения, а когда признаёт в машинах и роботах ту же природу Будды, что пронизывает и его внутреннее Я. Только тогда он приобретает способность конструировать хорошие машины и управлять ими, преследуя благие цели. Таким образом достигается гармония людей и машин». С точки зрения М. Мори, не существует иерархического отношения между людьми и роботами: машины и люди сделаны из «одной и той же природы Будды» [12, с. 200].

Таким образом, можно констатировать, что вплетение ноу-хау в культурную матрицу порождает структурные изменения как на макроуровне (уровне культуры в целом), так и на микроуровне (уровне отдельно взятого человека). Новые технологии подрывают старые паттерны культуры, порождая новые феномены, такие как, например, «технологический анимизм». Возникновение технологического анимизма в Европе и в США не имело благодатной почвы, поскольку дуальность, свойственная европейской рационалистической традиции, не предполагала целостности в её изменчивых

неопределённых переходах, как, например, дао – в восточной конфуцианской традиции или брахма – в индуистской традиции [9, с. 30]. Наделение трансцендентной сущностью материальных вещей – признак восточной культуры.

Ещё один парадокс, который вписывается в рамки пост-постмодерна и тоже связан с новым анимизмом – это наделение правовым статусом субъекта амазонского леса. Звучит по крайней мере странно, но, как отмечает Ф. Феррандо, ссылаясь на официальные источники, именно Верховный суд Колумбии даровал лесу юридические права личности, создав тем самым прецедент в политике в области изменения климата. Стоит отметить, что это «постановление было принято после того, как группа из 25 человек в возрасте от 7 до 26 лет подала заявление в суд, в котором было указано, что нарушаются их конституционные права на жизнь, пищу и воду» [12, с. 200].

Таким образом, новая реальность порождает новые сдвиги в онтологическом и эпистемологическом восприятии человеком самого себя. Человека, который в процессе своей эволюции превращается, по мысли большинства европейских философов и футурологов, в постчеловека. В связи с этим ещё один вопрос, который предстоит поставить перед читателями в данной статье: в чём кроется принципиальная разница между человеком и постчеловеком? Может, в потере своей человеческой идентичности и обретении новой постчеловеческой? Если согласиться с этой идеей, а, именно, что современный человек (человечество) уже совсем человек в классическом смысле, что он мучительно изо дня в день преодолевает свою природную ограниченность (возможность редактирования генома, переформатирования клеток, их искусственного выращивания, искусственного оплодотворения, технологии чипирования, креация и клонирование, повсеместное использование искусственного интеллекта и т. п.); что он, то есть человек (человечество) уже одной ногой стоит у «врат Божьих» и до бессмертия ему остался ровно один шаг, то волей-неволей приходится задуматься о том, как меняется его идентичность.

Постчеловеческая идентичность – это идентичность, в которую входят помимо самого человека, также технологии, в потенции, изменяющие само существование человека, а также искусственный интеллект? Какие статусы порождает постчеловеческая идентичность в правовом отношении, расширяя границы свободы до свободы конструировать и модифицировать себя по собственному разумению или, наоборот, сужая рамки дозволенного до осуществления базовых потребностей (есть, пить и размножаться)? Это далеко не весь круг вопросов, на которые предстоит ответить человечеству в ближайшем будущем.

Существующие в современной гуманитаристике подходы изобилуют разными сценариями развития человека (человечества). Одни исследователи, например, трансгуманисты, полагают,

¹ Мори Масахиро [Электронный ресурс] // Сайт «Википедия». – Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/wiki/Мори,_Масахиро (дата обращения: 18.04.2022).

что человечество преодолевает свою биологическую ограниченность или природную ничтожность и с помощью новых технологий достигнет бессмертия. Так, Рэймонд Курцвейл (известный американский изобретатель и футуролог, технический директор Google, его также причисляют к движению биохакеров) в своей работе «Сингулярность близка: когда люди преодолеют биологию», а также в книге «Преодоление», написанной совместно с доктором медицинских наук Терри Гроссманом, предсказывает человечеству долгую, а возможно, и вечную жизнь.

Р. Курцвейл и его единомышленники полагают, что, эволюционируя, человечество по-прежнему будет иметь человеческое тело, но эти тела станут изменчивыми проекциями человеческого разума [12, с. 153]. Вот ещё одна трансгуманистическая гипотеза, сформулированная не без теоретического обоснования Курцвейлом и верой в возможности искусственного интеллекта: «Люди, построенные как программное обеспечение, преодолеют жёсткие ограничения людей, известных нам сегодня, и уйдут далеко вперёд» [12, с. 153]. Анализируя идеи Р. Курцвейла, в контексте другого пост-постмодернистского подхода, а именно, постгуманизма, Ф. Феррандо весьма критически замечает, что в предсказаниях Курцвейла «немало футуристического энтузиазма» [12, с. 153]. Предлагая иной ракурс понимания биологичности (тела) и разума (сознания), Ф. Феррандо ратует за их преодоление в постчеловеке, который, по её мысли уже сейчас живет на Земле.

Однако некоторые исследователи полагают, что современные изменения, происходящие в социальной практике, не столь уж существенны, так как они по-прежнему вписываются в систему координат культуры модерна. Отсюда делается вывод, что современные ноу-хау в социальной сфере «не ведут к отмиранию и исчезновению религии и других аспектов традиционного культурного наследия. ... хотя индустриализация повышает уровень образования и благосостояния, мы не движемся к глобальному единообразию культуры – о конвергенции культур не может быть и речи. Культурное наследие демонстрирует поразительную устойчивость. Модернизация в культурной сфере не является необратимой. ... Важнее всего то, что утверждение ценностей самовыражения превращает модернизацию в процесс человеческого развития, ведёт к формированию гуманистического общества нового типа... Этот процесс отражает гуманистическую тенденцию модернизации» [3, с. 76–77].

Конечно, некоторые изменения вполне могут вписываться и вписываются в рамки преемственности определенной культурной традиции. Но всё же стоит признать, что метафора «будущее сегодня не то, что было вчера» [10, с. 128], как нельзя лучше показывает современное положение дел в социальной практике в целом, и в науке в частности.

Новое осмысление изменяющейся реальности плохо вписывается в «историю, написан-

ную однажды». Новое осмысление реальности требует новых историй, в которых нет априори счастливого конца. Конец повествования может быть любым и совсем не обязательно счастливым, хотя первый вариант более привлекателен.

Тотальная плюральность, выходящая за рамки традиционного порядка, возможно, когда-нибудь при соответствующем уровне насыщенности общественного богатства (и благосостояния каждого) гипотетически явит миру универсального творца, лишённого всяческих зависимостей. Возможно, когда-нибудь сформируется универсальный правопорядок, в котором «от каждого по способностям, каждому по потребностям» (до боли знакомый принцип, оставшийся от марксизма) станет реальностью. Однако сегодня, когда ещё не сложились необходимые материальные условия жизни и соответствующая этим материальным условиям жизни ментальность², говорить о расширении морфологических прав и новой гуманизации отношений в рамках пост-постмодернистской культуры, по крайней мере, рано. Осколочность и фрагментарность бытия современного человека порождает у него чаще фрустрации, чем ощущение счастья. Возможно, поэтому разумный патернализм, вписанный в традицию ряда государств, как правило, западной ориентации, может быть неким паллиативом, примиряющим человека с той действительностью, с которой он столкнулся один на один в уже «малознакомом» и «малопонятном» месте.

Поэтому закрепление традиционных ценностей в Конституции Российской Федерации показывает нежелание российского общества следовать по дороге, ведущей в универсализм пост-постмодерна, пока причудливо сочетающего в себе различные осколочные, уродливые (с точки зрения традиционных ценностей) феномены, такие как однополые браки, рождение детей от трёх и более родителей, с использованием генно-модифицирующих природу генома технологий и пр.

Российский дискурс более сдержанно относится к пост-постмодернистским «ноу-хау» и предлагает рассматривать человека и его идентичность в контексте существующих традиций³. Поэтому, как полагает А. Б. Гофман именно традиция скрепляет общество, а её «разрыв приводит к ценностному выхолащиванию и превращению этой традиции в пустую форму, лишённую адекватного современным реалиям содержания» [1, с. 369–370]. Стоит обратить внимание, что российскому теоретико-правовому дискурсу предстоит решить сложную эпистемологическую и практическую задачу, связанную с пониманием правовой идентичности, и в связи с этим представляется, что хорошо бы

² Луковская Д. И., Ломакина И. Б. Конституционализм и конституирующие принципы как факторы легитимации правовой системы // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2019. – №1 (81). – С. 37–44.

³ Ломакина И. Б. Политико-правовая традиция Востока: проблема понимания // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2021. – №1 (89). – С. 17–25.

расширить позитивную программу социокультурной антропологии права как ответ на вызов постмодерна и весьма сомнительных пока ещё пост-постмодернистских практик. И если взять за основу именно культурно-антропологический подход, то изучение человека, его правовой идентичности следует начинать с конкретного социокультурного контекста.

Социокультурный контекст в таком ключе представляет все материальные условия жизни людей и их ментальность. Все социальные институты, в том числе правовые, представляют исторически выверенные культурные стандарты, выведенные из основополагающих материальных и ментальных начал. Сформированные в процессе самой жизни, они всегда несут и несли на себе печать времени и пространства, породивших их. Отсюда специфический характер понимания правовой идентичности и правового статуса человека.

Подводя итог вышесказанному, можно констатировать, что антрополого-правовой подход, разрабатываемый в русле умеренного пост-постмодерна являет более конструктивную парадигму познания и понимания человека в мире в целом и в мире права. Правовая идентичность человека с позиций пост-постмодерна должна содержать в себе диалектическое соче-

тание тождества и различия, которое не противопоставляет себя другим, а всё же ищет приемлемые механизмы адаптации к той системе, которая, действительно, в ряде случаев может господствовать над душами страждущих (традиционное общество). Поэтому пока одникупаются в грязном, но метафизически чистом Ганге, а потом натирают свое тело прахом умерших предков, другие активно ищут свой гендер, мучительно примеряя то одно платье, то другое, представляя своё тело для бесконечных половых экспериментов.

А смысл, как представляется, заключается в том, что и в первом, и во втором случае человек стремится раздвинуть рамки своего бренного существования и приобщиться к некоему Универсуму, расширив тем самым свою идентичность, в том числе в сфере права. Однако правовая идентичность – это юридический статус, закреплённый в образцах поведения, и конкретный человек своими практическими действиями и психическими переживаниями, неотделимыми от поведенческих актов, осуществляет свои правомочия в социально значимой сфере [13, с. 16], соизмеряет свое поведение с другими, теми, кто конструирует правовую реальность, и теми, кто вынужден «играть» по этим правилам.

Список литературы

1. Гофман А. Б. От какого наследства мы не отказываемся? Социокультурные традиции и инновации в России на рубеже XX–XXI веков / Традиции и инновации в современной России. Социологический анализ взаимодействия и динамики / под ред. А. Б. Гофмана. – Москва: Политическая энциклопедия, 2008. – С. 9 – 62.
2. Гуревич П. С. Проблема идентичности человека в философской антропологии // Вопросы социальной теории. – 2010. – Том IV. – С. 63–87.
3. Инглхарт Р., Вельцель К. Модернизация, культурные изменения и демократия: Последовательность человеческого развития. – Москва: Новое издательство, 2011. – 464 с.
4. Кауракова М. В. Саудовская Аравия. Особенности правового режима иностранной собственности // Экономика. Право. Общество. – № 4 (12). – 2017. – С. 52–60.
5. Ломакина И. Б. Мифологическое мышление как протоправовое явление // Криминалист. – 2019. – № 3 (28). – С. 81–85.
6. Ломакина И. Б. Метамодерн и антропология права как два ответа на вызовы постмодернизма // Криминалист. – 2020. – № 3 (32). – С. 81–85.
7. Ломакина И. Б. Конструктивистская антрополого-правовая концепция правопорядка / Правопорядок: элементы общей теории : монография / под общ. ред. М. А. Беляева, В. В. Денисенко, А. И. Клименко. – Москва: Проспект, 2020. – С. 63–79.
8. Луковская Д. И. Правовая легитимность как диалог законодателя с его адресатами о праве и справедливости // Правоведение. – 2021. – Т. 65. – № 4. – С. 484–498.
9. Рахманкулова Н. Ф. Ценности и возникновение национальной философской традиции (Индия и Китай) // Вестник МГУ. Серия 7. Философия. – 2000. – № 1. – С. 19–35.
10. Талей Н. Н. Черный лебедь. Под знаком непредсказуемости. – 2-е изд., доп. / пер. с англ. – Москва: КоЛибри, Азбука-Аттикус, 2020. – 587 с.
11. Тоффлер Э. Третья волна. – Москва: ООО «Фирма «Издательство АСТ», 1999. – 784 с.
12. Феррандо Ф. Философский постгуманизм / пер. с англ. Д. Кралечкина; под науч. ред. А. Павлова; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – Москва: Издательский дом Высшей школы экономики, 2022. – 360 с.
13. Честнов И. Л. Социальное конструирование правовой идентичности в условиях глобализации // Вестник РГГУ. Серия: Экономика. Управление. Право. – 2010. – № 14. – С. 15–20.

References

1. Gofman A. B. Ot kakogo nasledstva my ne otkazyvayemsa? Sotsiokul'turnyye traditsii i innovatsii v Rossii na rubezhe XX–XXI vekov / Traditsii i innovatsii v sovremennoy Rossii. Sotsiologicheskii analiz vzaimodeystviya i dinamiki / pod red. A. B. Gofmana. – Moskva: Politicheskaya entsiklopediya, 2008. – S. 9–62.

2. *Gurevich P. S.* Problema identichnosti cheloveka v filosofskoy antropologii // *Voprosy sotsial'noy teorii*. – 2010. – Tom IV. – S. 63–87.
3. *Inglkhardt R., Vel'tsel' K.* Modernizatsiya, kul'turnyye izmeneniya i demokratiya: Posledovatel'nost' chelovecheskogo razvitiya. – Moskva: Novoye izdatel'stvo, 2011. – 464 s.
4. *Kaurakova M. V.* Saudovskaya Araviya. Osobennosti pravovogo rezhima inostrannoy sobstvennosti // *Ekonomika. Pravo. Obshchestvo*. – № 4 (12). – 2017. – S. 52–60.
5. *Lomakina I. B.* Mifologicheskoye myshleniye kak protopravovoye yavleniye // *Kriminalist*. – 2019. – № 3 (28). – S. 81–85.
6. *Lomakina I. B.* Metamodern i antropologiya prava kak dva otveta na vyzovy postmodernizma // *Kriminalist*. – 2020. – № 3 (32). – S. 81–85.
7. *Lomakina I. B.* Konstruktivistskaya antropologo-pravovaya kontseptsiya pravoporyadka / *Pravoporyadok: elementy obshchey teorii : monografiya / pod obshch. red. M. A. Belyayeva, V. V. Denisenko, A. I. Klimenko*. – Moskva: Prospekt, 2020. – S. 63–79.
8. *Lukovskaya D. I.* Pravovaya legitimnost' kak dialog zakonodatelya s yego adresatami o prave i spravedlivosti // *Pravovedeniye*. – 2021. – T. 65. – № 4. – S. 484–498.
9. *Rakhmankulova N. F.* Tsennosti i vzniknoveniye natsional'noy filosofskoy traditsii (Indiya i Kitay) // *Vestnik MGU. Seriya 7. Filosofiya*. – 2000. – № 1. – S. 19–35.
10. *Taleb N. N.* Chernyy lebed'. Pod znakom nepredskazuemosti. – 2-ye izd., dop. / per. s angl. – Moskva: KoLibri, Azbuka-Attikus, 2020. – 587 s.
11. *Toffler E.* *Tret'ya volna*. – Moskva: ООО «Firma «Izdatel'stvo AST», 1999. – 784 s.
12. *Ferrando F.* *Filosofskiy postgumanizm / per. s angl. D. Kralechkina; pod nauch. red. A. Pavlova; Nats. issled. un-t «Vysshaya shkola ekonomiki»*. – Moskva: Izdatel'skiy dom Vysshey shkoly ekonomiki, 2022. – 360 s.
13. *Chestnov I. L.* Sotsial'noye konstruirovaniye pravovoy identichnosti v usloviyakh globalizatsii // *Vestnik RGGU. Seriya: Ekonomika. Upravleniye. Pravo*. – 2010. – № 14. – S. 15–20.

Статья поступила в редакцию 20.06.2022; одобрена после рецензирования 20.08.2022; принята к публикации 09.09.2022.

The article was submitted June 20, 2022; approved after reviewing August 29, 2022; accepted for publication September 09, 2022.